

18+

Lily Alex

СУДЬБА ВИШНЁВКИ

зависит от НИХ

Lily Alex

**Судьба Вишнёвки.
Зависит от НИХ**

«Издательские решения»

Lily Alex

Судьба Вишнёвки. Зависит от НИХ / Lily Alex — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-985271-7

В цикле «Глеб Орлов» Ангел Смерти приобретает тело сибиряка из глухой деревеньки, что приводит к непредсказуемым последствиям; продолжение романа «Ягоды „Желание“», изданного в двух частях. Здесь — о попытке Змея-Искусителя уничтожить деревеньку. «Дела Людей» замыкает цикл «Вишнёвка», и «Софочка» — завершающий роман серии «Глеб Орлов». Отрывки/эпизоды из романов серии «Любовь и Судьба» выложены на Youtube.

ISBN 978-5-44-985271-7

© Lily Alex
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
Вступление	9
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Судьба Вишнёвки Зависит от НИХ

Lily Alex

Дизайнер обложки Е. Медник, <https://kat-mednik.jimdofree.com>

Иллюстратор Jessica Gaude, <https://www.facebook.com/Jessica.Dest.Gaude>

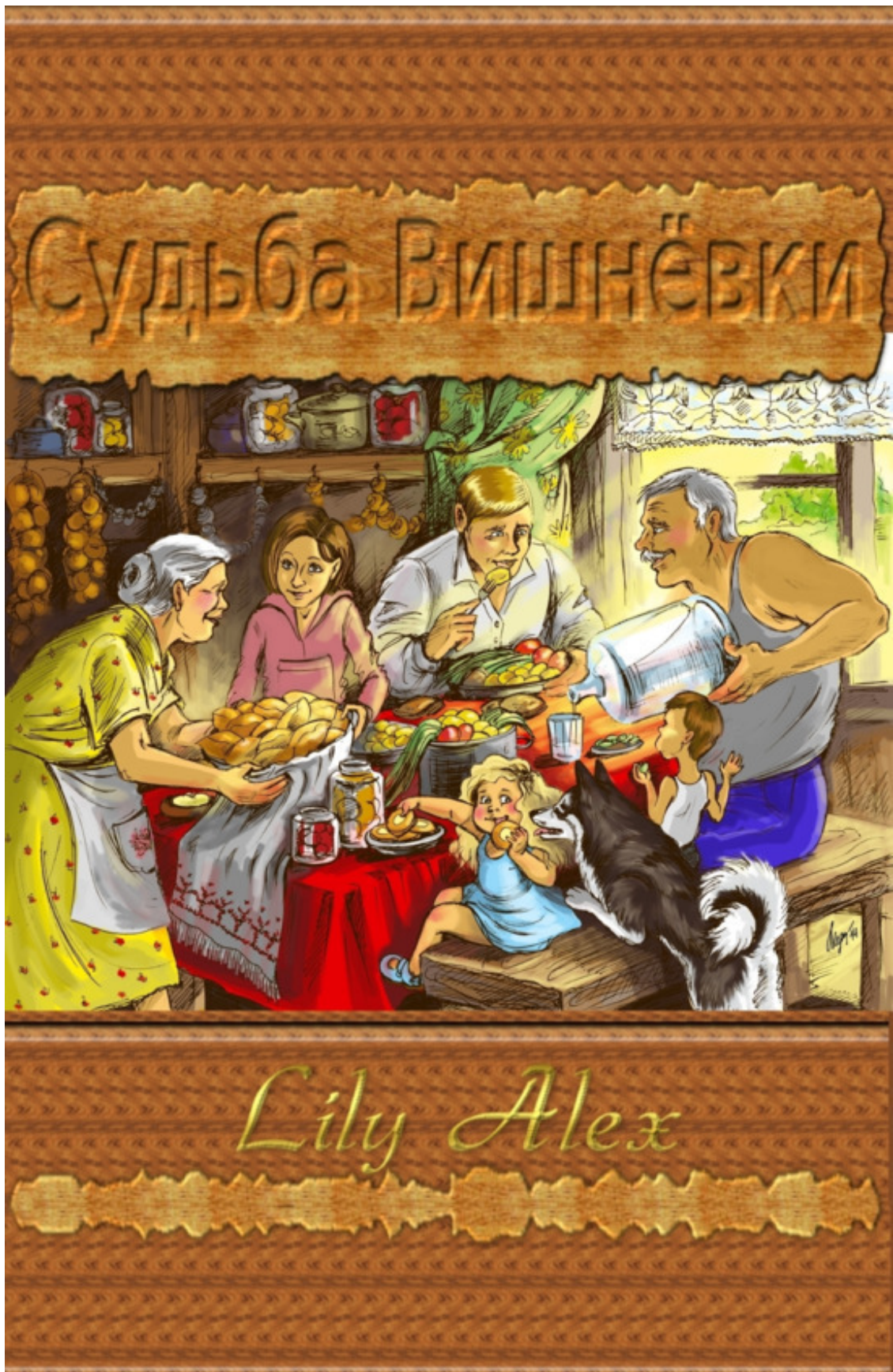
© Lily Alex, 2020

© Е. Медник, <https://kat-mednik.jimdofree.com>, дизайн обложки, 2020

© Jessica Gaude, <https://www.facebook.com/Jessica.Dest.Gaude>, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-5271-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

В первом романе цикла «Глеб Орлов» Ангел /Демон Смерти, навеки-вечные потеряв свою возлюбленную Джину, дочь Демонессы Лилит, с горя, почти наугад, берёт себе новое тело.

Но Судьба приготовила ему сюрприз.

Демон Смерти начинает испытывать чисто физическую тягу к Мэри Чёрнсын, жене Змея-Искусителя, сейчас разгуливающего по Земле под именем Артур. К тому же, у этого тела оказывается много проблем – сильнейшая табакозависимость и склонность к запоям.

Глеб Орлов, так звали того человека, тело которого украл Демон Смерти, родом из глухой сибирской деревни, его родители ещё живы.

Ангел Смерти знает, что там расположена мощная Энергетическая зона, и едет на разведку, надеясь подлечить Даниеля – приёмного сына Мэри.

Хотя сперва мать, Валентина Макаровна, а потом и отец, Олег Петрович, выясняют правду, но от новоприобретённого сына не только не отказываются, но борются и помогают самоотверженно.

Родная же мать Дэна, Люси Гонзалес, страстно хочет заполучить его назад.

Подключается даже демонесса Лилит. Её дочь Джина, погибла из-за Артура и Мэри.

Центр борьбы перемещается в Вишнёвку, где Лилит обитает в качестве Кикиморы Болотной.

Родители Глеба встречают его, как вернувшегося сына.

Растроганный таким отношением, Ангел Смерти буквально прикипает душой к Вишнёвке.

Когда Артур, извечный Змей-Искуситель, раздувает конфликт между жителями, Глеб встаёт на их защиту, и, в данном случае, Мэри поддерживает его, а не Артура.

Но мужа она по-прежнему любит и, когда ситуация улажена, возвращается к нему.

Люси получает своего сына назад, но дорогой ценой – Джерри-Альберто, которого она любила, отец Энн – дочери Мэри, возвращается на службу к Чёрнсынам, но ему полностью стирают память о браке с Люси.

Вступление

Написано © Натали Фурсовой:

Велика и необъятна сказочная Сибирь, топи и болота окружают её девственные леса, в которых испокон веков таятся несметные сокровища.

Из уст в уста передаются древние сказания о волшебной лисице и алмазной дудке. Многие из смертных хотели бы завладеть ею, но страх перед Кикиморой настолько силен, что давно не ступала нога человека в заговоренные земли.

Только вот разозлили бесхитростные и добрые люди Змея Искусителя – Артура Дарисовича, задумал он поживиться сокровищами сказочными, да деревеньку загубить.

Тяжёлые испытания ждут Вишнёвку впереди, да такие, что даже сам Господь Бог не знает, на чьей же стороне будет победа...

Глава 1

... Вездеход, под управлением Альберто, увёз Мэри во тьму. Глеб, в расстёгнутой куртке-аляске стоял на крыльце и курил.

«Вот и всё,» думал он, изнывая от тоски, которую смертные даже осознать не могут. «Перепали крошки с хозяйского стола – пинок под зад – иди служи дальше.»

Он слышал – кто-то тоже вышел из дома, аккуратно закрыв за собой дверь.

«Вот, сучку навязали,» с досадой подумал он. «А, пёс лучшего и не заслуживает.»

– Вы опять курите?

– Можно на `ты`, – буркнул Глеб. – Мы ж таперяча – жених да невеста.

– Я вам не навязывалась.

– Против воли Хозяйки попрёшь?

– Спасибо за Даниеля. Благослови тебя Бог!

– Не за что. – Орлов хмыкнул. – Мне какая радость! Навязали б*** с ребёнком.

– У меня будет хорошая зарплата. Дом. Супружеской верности я не требую. С сыном мне и Рон поможет. Он-то – настоящий мужчина.

Глеб досадливо отбросил окурок в сугроб.

– Грудь на распашку... ведь простудишься же... – Она подошла и застегнув ему куртку, поправила, как бы уминая.

– Прости, что так получилось с Альберто, – шепнул Глеб, разглядывая лицо своей будущей жены. – Детка, ты, действительно, выглядишь, как сквозь Ад прошедшая...

– Всё-таки увела его Мэри, – грустно хмыкнула Люси.

– У нас ребёнок будет совместный! – с вызовом бросил Орлов, следя за её реакцией. – А у тебя вовсе детей не будет!

– Ну, как ты захочешь, – шепнула Люси, оглаживая его шею. Улыбаясь, она перебирала его тёмно-русые волосы. – А я, да, рада! Ты так выручил нас тогда, с гаражом. Пусть даже по просьбе Рона. Ты не выгнал, не убил меня, когда Лилит `устроила` меня на работу. Ты поддерживал меня в борьбе за Даниеля, и в конце концов ты спас его! Я так благодарна тебе... Да, нельзя идти против воли Хозяйки.

– Я тем более не решаюсь. Я только что получила сына назад. Мне кажется, я не была так счастлива даже, когда родила его! Спасибо тебе...

Она ласкала его так нежно, улыбалась, посверкивая глазками. Её улыбочка сводила с ума мужчин и `поустойчивее`.

– Ох, девочка, – Глеб обнял её. Первый раз.

«Какая же она тоненькая...» промелькнуло у него в голове. «Но не как Ядвига, такая сильная... Хорошо всё-таки у нас тренируют людей.»

Он подsunул руки под её расстёгнутую шубку.

– Забавно, – признался он. – Сколько раз я видел тебя голой, а хочу впервые...

– Джерри умер, – спокойно объяснила Люси. – А ты бы не хотел делить меня ни с кем, а? Признайся!

– Ни с кем... – Он тискал и оглаживал её гибкое, такое горячее тело. – Эх, жаль, родители не поймут, если мы прямым ходом уляжемся...

– Пошли в хлев! – предложила она, то толкая его, то прижимаясь покрепче. – Зорька против не будет!

Он замялся.

– Что милый? – Люси потёрлась об него, как кошка.

– Ну, завтра, может... – Он отвёл глаза.

– Глеб! – Женщина взяла его за щёки, пытаясь поймать его взгляд. – Милый, ты ж три раза уже откровенничал со мной, как с посторонней... Неужели невесте трудно открыться?

Он кивнул.

– Если насчёт проблем с ЭТИМ, – хихикнула она. – и так все слуги знают. Меня это не смущает. Я неприхотливая.

– Да-да, – произнёс он с явным облегчением. – Ну, вот видишь, там разберёмся. А пока – пошли в дом...

– Нет, стой. – Её взгляд похолодел, и в его глазах Люси стала даже краше. Эдакая орлица, которую словно за крыло дёрнули. – Что ты скрываешь?

Внезапно она поняла. «Мэри... Сволочи, когда ж они успели?»

Её лицо исказилось и, оскалившись, она столкнула его с крыльца в сугроб, а сама вернулась в дом, хлопнув дверью.

«Ну, семейная жизнечка мне предстоит...»

Орлов с трудом выбрался, отплёвываясь и поёживаясь.

«Дьявол! Энергетики – ни капли, снегу начерпался. ``Ой, простудишься! Ой, не ревную!`` Во, крутая...»

Он толкнулся в дверь. «Ох, щеколду задвинула... Энергозаслон поставила!»

Он даже не попытался выламывать дверь. «Сам же укреплял...»

Сел на крыльцо и пригорюнился.

«Ну, и замёрзну тут, к чертям собачьим,» думал он, чувствуя себя обиженным мальчишкой, которого поставили в угол. «Лучше, чем с такой стервой жить...»

* * * * *

Люси проверила Энн, поправила её одеяльце и обернулась к сыну.

Он сидел на кровати, явно спал, хотя глаза его были полуоткрыты.

Женщина осторожно легла рядом, помассировала его напряжённое тельце.

Мальчик, слегка застонав, поддался и лёг рядом, обхватив мать.

«Всё равно где,» думала она, растворяясь в ощущении счастья. «Всё равно с кем... Только бы вот так... Рядом... Сыночек мой, дитячко выстраданное...»

– Нтьёжь, бять... – пробормотал малыш, прижимаясь покрепче.

* * * * *

Глеб сидел на крылечке недолго.

Отворилась дверь, и высунулась Валентина Макаровна.

– Глебка! – сердито окликнула она. – Ах, ты, бандюга! Иди домой!

– Ну, вот, я ещё и виноватый... – ворчал он, хотя сердце его и плясало от радости.

Когда он входил, бабка дала ему подзатыльник и снова задвинула щеколду.

Отряхнув снег в сенцах, Глеб прошёл в дом. Олег Петрович, наливая себе под шумок, неодобрительно покачал головой, а Рон, вроде как потёр усы, скрывая улыбку.

– Сюда иди! Одежду скидывай! – Она держала в руках бутылку с вонючей жидкостью.

– Ой, не надо... – заныл Глеб, тем не менее покорно исполняя приказ.

– Знаю-знаю, никогда не любил! – приговаривала Валентина Макаровна, растирая его от плеч до пят. – Сядь давай!

Глеб сел на скамейку, идущую вдоль этой стены печки.

«Ой, как хорошо...» мелькало у него в мозгу, уже туманящемуся от усталости и ощущения счастья. «Тепло, и «натёрла она ноги ему маслом...» «*благовонючим.*»

– Одевай носки! – Валентина Макаровна неодобрительно качала головой.

– Мало в речке купался, шчас чаво утворил? Люська-то спокойненько говорит: «Там дверь захлопнулась!»

– Да она...

– Не ищи в селе, а ищи в себе! – прервала его мать. – Сам говорил – с первой не заладилось, Машка от тебя сбежала, с Люськой пожениться не успели – выкидывает!

– Да я...

– Что ты? – поджав губы, Валентина Макаровна не отводила глаз.

– Не умею я с бабами... – жалобно протянул Глеб. – То, что про мои амурные похождения тут, в Вишнёвке, трепались, так вы, это, в голову не берите.

– Дурачок ты, дурачок. – Она поправила на нём свитер.

– Спать ложись – утро вечера мудренее.

– На печку, что ль?

– Альберка же уехал... Давай лезь!

Когда он забрался и, развернувшись, лёг головой к ней, женщина ласково погладила его, такое родное лицо, поправила волосы, того же цвета, что когда-то были у неё самой.

– Сыночек мой... – невольно шепнула она.

– Простите меня, – отозвался Глеб с раскаянием в голосе. – Что так получилось с Вашим сыном...

– Ты и есть мой сынок, возвернувшийся... – возразила женщина. – Не тот мерзавец, о котором судачили, а мальчик мой, которым я гордиться могу! Во мне росло это тело, его я грудью кормила, его я мыла, растирала, целовала, хоть и шлёпала иногда! А ведь золотой мальчишечка-то рос... И как свихнулся? Бог ему судья... А тебе спасибо, что пригрел мою старость. Теперь и помирать не страшно будет...

– Ну, это я гарантировать могу... – Ангел Смерти осёкся, видя, какое впечатление произвели его слова.

– А, так вот ты кто. – Она неверяще покачала головой. – Я чёй-то такое слыхала. По телевизору какая-то мадама рассказывала, как, мол, люди, когда помирают, их там любимые встречают. Я тогда, грешным делом, не поняла толком.

– Валентина Макаровна...

– Что, ``мамкой`` звать уже не хочешь? – Она всхлипнула, глядя его одной рукой, потому что другую он прижал к своей щеке, тоже влажной от слёз.

Он целовал ей пальцы, шепча то самое слово, слаще которого нету для женщины: «Мама, мамочка, мамка...»

* * * * *

Люси почувствовала, как сын шевелится в её объятиях, просыпаясь.

А он завизжал, ударил её, вырвался. Люси рывком села.

Мальчик, затравленно глядя на неё, прижался спиной к стене. Энн прыгала в своей кровати, держась за бортики, болтая на своём детском языке, но совершенно без умолку.

– Дэээн, – прошептала женщина, протягивая руки к сыну.

– Нет-нет, – услышала она голос Рона. – Он боится посторонних.

К её изумлению и досаде, мальчик кинулся к Рону и забрался на него, как маленькая обезьянка.

– Верните мне то лицо! – выкрикнула она, едва сдержав слёзы.

– Он к вам быстрее привыкнет так, – возразил Рон. – Энергетикой вас уже не поменяешь, а земные операции потребуют слишком много времени на восстановление.

Энн всё прибавляла громкости, но вошла Валентина Макаровна, и девочка мгновенно замолчала.

– Пойди позавтракай, – обратилась бабка к Люси. – И давай, Глебка хотел на лыжах пройтись.

– А я тут причём?

– Ну, ты ж – не Машка! – Валентина Макаровна улыбнулась. – Глебка – парень хороший, не обижай его очень-то! Пообщайтесь, может помириться, а?

«Интересно, действительно,» подумала Люси. «А Мэри умеет ходить на лыжах?»

* * * * *

Они завтракали все вместе.

Энн, под присмотром бабушки, наворачивала и кашу и хлеб, жадно пила молоко, хватала картошку. Валентина Макаровна смотрела на неё с умилением.

– Что ж вы девку впроголодь держите?

– Врачи считают, что у неё лишний вес, – объяснил Глеб.

Дэн возил ложкой по тарелке, пока Рон кормил его. А мальчик поглядывал то на него то на Олега Петровича. Орлова-младшего усадили напротив невесты, и Люси с удовольствием разглядывала его. А он, набычившись, сидел с мрачным видом, не поднимая глаз.

– Не выпался, Глебушка? – ласково-дразняще окликнула его Люси.

– Я тебе не «Глебушка», – огрызнулся он, вскидывая на неё взгляд, полный досады. – Сиськи не отросли так меня звать!

Валентина Макаровна стукнула его ложкой по лбу. – Не балуй!

– Не бауй, не бауй! – поддержала Энн.

– Цыц за едой! – одёрнула её бабка.

Глеб улыбался, глядя на мать, но опять соорудил недовольную физиономию, когда его глаза встретились с глазами будущей жены.

– А ты мою дочу обижать не смей! – Рон тоже нахмурился. – Она тебе не корова, чтоб за размеры вымени ценить!

– Ой, – Глеб поднял руки вверх. – Прошу прощения, Людмила Ароновна! Но обращение «Глеб» меня вполне устраивает.

– Вот так-то лучше, – проворчал Рон, подталкивая руку Даниеля. Мальчик неохотно, но сунул ложку в рот.

– Не забывай, какой ты пример сыну показываешь!

Глеб закусил губу.

– Я не взяла ни костюма ни лыж, – уточнила Люси.

– В вездеходе всё есть, – возразил Орлов-младший.

– А ты ещё не разучился? – Люси бросила с вызовом.

– Увидим, кто из нас разучился, – парировал он. Его ухмылка приняла совершенно другое выражение; словно у пса, когда не поймёшь – скалитесь он или «улыбается».

– Да, мать! – поделился Олег Петрович. – Видала, какую машину-то Глеб пригнал – лыжню кладёт, как ножом ведёт!

– Полчаса – пять километров, – уточнил тот. – Причём двойная лыжня. Пускай местные тоже катаются.

– Туты из города уж несколько раз приезжали, – поделился новостью Олег Петрович. – Вроде как турбазу хотят круглогодичную туточки устроить.

– Ну, так это ж здорово! – улыбнулся Глеб.

– Неизвестно, кто ещё понаедет. – Валентина Макаровна явно была настроена не столь оптимистично.

– Ну, я думаю, после летних событий Вишнёвке уже ничего не страшно. – Глеб поднялся. – Пойду принесу костюмы.

* * * * *

Мороз и солнце – классика! Даже в лесу, между деревьев, снег так сверкал, что их солнцезащитные очки едва справлялись.

Глеб и Люси шли по параллельным лыжням.

Мрачное настроение, досада на Мэри, постепенно улетучивались из души Орлова.

«Будущая жена, а?» Глеб поглядывал на Люси, идущую сильно и очень ровно. «Дьявол, глупо, конечно, всё равно уж навязали, а покрасоваться хочется. То же ж мне, голубь какой – курлыкай да зоб выставляй. Раз другим похвастаться не можешь. Сколько мужиков её пользовало, что от неё, кроме презрения получишь...»

У него сбилось дыхание, и Глеб, на первой же поляне, сделал круг, восстанавливая его и по-прежнему разглядывая Люси, пытаясь переключить своё восприятие этой женщины.

«Ничем не брезгающая шлюха, наглая бунтарка, стерва... Так. Ласковая, заботливая, работающая. Уже лучше. Хорошая мать, сдержанная на слово, верующая. Ну, чем не жена-то? Не шоферюга – секретарь-референт. Зарплата у неё будет не намного меньше моей. Да, пособия на детей Корпорация неплохие предоставляет... А, вот дополнительная причина, почему Мэри хочет её замуж выдать! Одиноким матерям положены доплаты... Ох, менеджер ***...»

Он опять поехал впереди, а на следующей полянке, подождав Люси, резко развернулся, обдав её веером снега с головы до ног.

«Разозлится или сделает вид, что не заметила?» Он следил за ней с улыбкой.

Не отряхиваясь, Люси направилась к нему.

– Мне снег за воротник попал, – спокойно произнесла она, вытягивая шею. Тоненькая, как у подростка...

«Одной рукой задушить можно. Жилка бьётся у горлышка... Жаль, я не вампир...»

Он достал салфетку и аккуратно оттянув её воротник, промакнул кожу. Приблизив лицо, дотронулся губами.

«Ооооо, как же мне нравится её запах...» Волна чисто животного возбуждения прошла по его телу. «Тогда, когда я выдернул её из горящего блока, когда обнял... Я спасал её не как женщину – как солдата. Этот её запах... Поэтому-то она так легко и вытянула из меня Энергетику – так я тогда забалдел...»

– Ты не рассердилась? – спросил Глеб удивлённо.

– Не-а, – так же ласково ответила она, запихивая ЕМУ за воротник целую горсть снега. Пока, он, ахнув, приходил в себя, она уже убежала, и Орлов опять рванулся за ней.

Он снова обогнал её и ждал на следующей полянке. А она всё не появлялась.

«Где же она?» Уже встревожившись, он вглядывался в деревья.

Резкий, сигнальный свист заставил его обернуться. Она шла по лыжне уже с другой стороны поляны.

«Обошла по лесу,» догадался он, снова пускаясь в погоню. «Ох, да, ведь и этому их учат...»

Теперь уже она стояла, поджидая его. Глазки – долу, а улыбка – Магдалины.

Он приблизился, чувствуя, что дыхание снова сбилось, но теперь уже по совершенно другой причине.

Она расстегнула молнию их курток, прижалась, подсунув руки внутрь, оглаживая, массируя его напрягшееся тело. Её шапочка пахла лавандой.

Очарованный нежною страстью её ласк, Глеб стоял, забыв обо всём на свете. Он даже не сразу сообразил тоже обнять её.

– Детка, – шепнул он. – А пониже?

Она послушно передвинула руки.

– Ох, умелица ты, а? – Он слегка застонал. – А сделаешь мне...

– Минет? – выдохнула она ему в ухо.

– Ну, киска, зачем так грубо? – отозвался он в том же тоне. – ``Рождественский подарок``, а?

– Новогодний тогда уж...

– Да всё равно! – Он уже рычал. – А то я тебя прямо на снег завалю...

Она присела на корточки, но тут Орлов, уже немного очнувшись, сообразил.

– Нет, да ну, а то, вдруг из деревенских кто увидит...

– Да... – произнесла она СЛИШКОМ невинным голоском.

Сдёрнув все его штаны вниз, до самых лыж, она толкнула его так, что он снова сел в сугроб, но уже с гораздо бОльшим эффектом.

– Да ты... – Он просто подавился ругательствами.

– Лицемерить не надо, – парировала она холодно, спокойно уезжая прочь.

«Убью, тварь!» Глеб едва удержался, чтобы не догнать её, телепортировавшись наперерез. «Нет, не сдамся!» Он припустил за ней следом.

Досада и на неё и на себя опять сбили его дыхание. Сосредоточиваясь, Глеб видел только лыжню, и то скорее чувствовал её. Его разум не сразу осознал новые звуки, совершенно неожиданные в зимнем лесу.

Он остановился, удивлённо прислушиваясь. Медленно поехал вперёд. И замер.

На ослепительно сверкающей полянке, залитая лучами полуденного солнца, Люси терялась в блеске света идущего и с небес, и отражённого от кристалликов снега.

Она пела «Santa Lucia». Пела на итальянском. Её мелодичный, сильный голос заполнял лес, гармонируя с сиянием, которое, казалось исходило от неё самой, словно от ангела, спустившегося на землю.

Глеб даже не помнил, как он приблизился. Их глаза встретились.

– Я не могу войти в храм, – прошептал Демон Смерти. – А в Рай меня не пускают...

– Ты сам не хочешь войти... – возразила она.

– Тётенька! – услышали они юный голос и, оглянувшись, увидели стайку местных подростков, тоже на лыжах. – Это вы щас пели?

– Да, – Люси кивнула.

– Во вишь! – девчушка развернулась к друзьям. – А ты говорил – «Радио, радио!»

Они поехали дальше, а Люси направилась к скамеечке. «Ух ты!» удивился Глеб. «Мы, оказывается до «скамейки признаний» добрались... Я или она пошли именно по этому маршруту? Я же три разных трассы проложил...»

Люси сняла рюкзачок, достав термо-подстилку, постелила на лавку.

Даже по зимнему времени, скамейка оставалась популярным местом встреч – протоптанная дорожка вела назад, к деревне, площадка расчищена и утрамбована, кострище загашенный – явно вчерашний.

Следя за реакцией Люси, Орлов зажёл огонь Энергетикой.

– Да ладно выпендриваться, – спокойно отозвалась женщина. – Пойди, поешь.

Она уже достала два термоса. Один с какао, поставила на его стороне, себе, с кофе – на своей. А ещё она вынула термо-контейнер.

– Валентина Макаровна напекла пирожков с утра пораньше, – объяснила Люси. – Сказала: «Глебка, наверняка, проголодается! Не сожрал бы тебя в лесу невзначай.»

Глеб сел, растерянно взял ещё горячий пирожок, хлебнул какао с его любимым привкусом корицы.

– Какая же у тебя мама заботливая! – произнесла Люси с лёгкой завистью. – Хотела б я быть такой матерью для Даниеля. Да, видно, не дадите вы мне это.

– Почему? – удивился Орлов.

– Я не пойду за тебя замуж.

– Что? – Он даже жевать перестал.

– Принуждают тебя, бедняжку, а? – продолжила молодая женщина саркастически.

– Меня-то Мэри Даниелем не за горло – за сердце держит! А тебя за какое место? Но пусть уж лучше Даниель с ней останется. Её муж преклоняется перед ней. Пусть мой сын видит уважительное отношение к женщине, а не такое, что сегодня за завтраком!

– Да ты ж – б***! – Глеб уставился на неё. – Как ты смеешь даже сравнивать себя с Мэри!

– Ах, да! – Она демонстративно всплеснула руками.

– Ты-то ж у нас – ангел! Я на Земле живу чуть больше двадцати двух лет. А ты сколько? Сколько за эти тысячелетия ты баб перетрахал, да, как от слуг слышала, и парнями не брезговал! Каков Хозяин, таков слуга. На хозяйскую жёнушку зариться – я даже Джерри презирала за это! А тебя – видеть не могу! Катись на х**!

Она взяла свой термос, положила лыжи на плечо.

– Я не буду огорчать Валентину Макаровну! – заявила Люси. – Она не виновата, что её сын в обоих ипостасях – мерзавец и убийца! Ни слова не скажу, но на брак со мной не рассчитывай!

Она ушла по дорожке, а расстроенный Глеб в ``гордом одиночестве`` съел все пирожки, после чего телепортировался назад, в усадьбу, на задний дворик.

Валентина Макаровна и Олег Петрович ушли к кому-то в гости, Энн, завёрнутая в тёплый мягкий плед, спала на диванчике в гостинной.

Рон возился, укладывая Даниеля. Мальчик крутился на кровати, хныкал, прикладывался, тут же снова садился. Он отталкивал Рона, но, когда заглянула Люси, тут же залез ему на руки. Мужчина вздохнул и перешёл с ним обратно в гостинную.

– Видишь? – Он показал мальчику на спящую девочку. – Энн спит. Тебе тоже надо отдохнуть...

– Давай я! – Глеб как раз вошёл в комнату. Люси смотрела, замерев.

«Ведь он может сделать, что мой сын никогда не проснётся,» с ужасом подумала она, даже забыв блокироваться от него.

– Я никогда не буду шантажировать тебя ребёнком! – возразил Орлов на её мысли. Дэн охотно перешёл на его руки, подозрительно поглядывая на Люси.

– Это – мама! – Глеб не подходил к ней, но давал мальчику возможность рассмотреть женщину. – Мама любит. Мама потом посидит с тобой. Мама – хорошая.

– Пааа, – простонал Дэн, утыкаясь Глебу в шею.

Он унёс малыша в спальню, вернулся, перенёс Энн, и, снова войдя в комнату, сел за стол, не глядя на Люси.

– Суп будешь? – произнесла она очень ровным голосом.

Он кивнул.

– Я уже обедал, – Рон вышел из комнаты, оставив Орлова с Люси.

Она налила суп из горшка, подала хлеб и квашеную капусту. – Картошки хочешь?

– Да нет, спасибо, я пирожками наелся. Так, мягонького хочется.

Люси поставила возле него кружку с квасом и тоже села за стол.

Подперев кулачками острый подбородок, она разглядывала Глеба.

– Дэн привык ко мне больше, чем к кому-либо, – Орлов взглянул ей в глаза. – Дай нам всем шанс. Пожалуйста.

– Посмотрим, – шепнула она.

Глава 2

Четыре дня было у Глеба.

Четыре коротких дня уговорить Люси примириться с приказом Мэри.

«Тоже мне, ``Красавицу и Чудовище`` разыгрывать надо!» с досадой думал Глеб, раскатывая снег во дворе.

Он делал это вручную, только изредка помогая себе Энергетикой. «Пока не упадёт последний лепесток. А у Дэна – характер крутой. Хрен с ним справишься, когда подрастёт. А все претензии мне будут – `отец`, мол. Дьявол, вот пиковая ситуация-то!»

Вдруг от новой мысли он буквально замер на месте.

«Я ведь выйди она за меня замуж – изменять мне не будет...» вдруг осознал он. «Своих-то людей я знаю...»

Волна нежной благодарности прошла по его душе, но тут же ледяное уточнение сбilo настрой. «Вот именно, ЕСЛИ выйdet.»

Плюнув, Глеб снова взялся за лопату.

* * * * *

Когда Валентина Макаровна вышла из спальни, Энн под присмотром Люси уже сидела за столом, рисуя на специальной машинке для детей. Бабуся заглянула.

Девочка возила пальцами по экрану и оставляла полосы. Внизу располагался ряд с кнопками разных цветов. Когда девочка нажимала, полосы, которые она проводила, становились соответствующего цвета. Наверху шли три ряда картинок: личики, зверюшки, деревья, бабочки, бантики, звёздочки.

Время-от-времени Энн нажимала на них, и картинка появлялась на экране. Девочка могла передвигать её, раздвигая или сжимая, менять размеры. Но чаще всего она растягивала картинку во весь экран, смотрела несколько секунд, а потом с выдохом, удаляла её, ухая при этом, совершенно как обезьяна.

– Чё только не поизобрели! – Валентина Макаровна покачала головой. – А чё, карандаши никак ужо?

– У неё есть мелки, – объяснила Люси. – А карандаши – она уж очень эмоциональная, да и сильная – бумагу прокалывает, а потом злится. Гувернантке руку, как ножом, пырнула. Боятся, как бы себе глаз не выколола. А краски пытались давать – она их либо расплёскивает, либо просто размазывает и орать начинает, пока не отмоешь.

– Избалуют девку, – с грустью отметила Валентина Макаровна. – А жаль. Такая крепенькая, тьфу-тьфу-тьфу, на ней пахать можно будет, когда подрастёт!

– В папочку своего. – Люси хмыкнула. – Мы с ним потОм поженились. Да Машку он так позабыть не мог. Сколько раз во сне звал! В пьяном бреду только о ней и говорил...

– Ох, ты, девчуленька... – Бабка ласково погладила Люси по голове, а та взглянула на неё с горечью.

– И погиб он из-за неё же! – Люси говорила уже сквозь слёзы. – Она могла его спасти – не стала. В прямом смысле – концы-в-воду. Да, может и лучше... Всё равно мы развестись собирались...

– И с Глебкой, значит, боишься, то ж такое и будет? – Мрачно уточнила Валентина Макаровна, садясь за стол напротив Люси.

– Знаю, что будет, – отозвалась та тем же тоном. – Да и он знает.

– А вить Марья Михална вроде как добрая... – произнесла бабка задумчиво. – А у Глебки неприятности будут, если уломать тебя не сможет?

– Ещё какие! – Гонзалес вздохнула.

– А ведь он мне жизнь спас... Облудился он здорово тогда. И так проблемы с этим были, а теперь – вовсе беда! Ах, Валентина Макаровна! И так я себя виноватой да перед ним себя обязанной чувствую, но ведь душа переворачивается, зная, что он не меня, а ЕЁ любит!

– А с Машкой говорить пыталась?

– Да... Она считает, что раз она не с Глебом, я – самая подходящая жена для него. Да и Данилка-то его любит. Я поняла, он, Дэн, болел очень долго. Женщины: нянечки, медсёстры – постоянно кто-то другой. А если кто-то новый – значит боль, уколы, капельницы, массаж, другие неприятные процедуры...

Люси покачала головой.

– Я для него сейчас – такая же. Одна из них. Я даже не знаю, если он понимает слово «мама»...

– Ну, это мы попробуем ему истолковать... – Валентина Макаровна решительно поднялась.

* * * * *

За завтраком Глеб сидел с растерянным видом, односложно отвечая на вопросы.

– Люсенька, – обратилась Валентина Макаровна. – Сходи, отнеси Юркиной семье наш пирог, они приглашали... А то Глебку никак не приловлю. Вот может хоть ты его за шкирман дотащишь?

Люси едва сдержала улыбку – с таким наивно-удивлённым видом Глеб взглянул сперва на мать, а потом на неё.

– А мы пока с Нюрой кой-чего смастерим, – бабка обратилась к девочке. – Хочешь?

Та захлопала в ладоши, ухая и повизгивая.

* * * * *

Люси и Глеб шли рядышком по деревне.

Орлов понял задумку матери; действительно все деревенские приветствовали его с радостным уважением.

Вежливо здоровались с Люси, с любопытством оглядывая её. Глеб просто говорил: – Людмила Ароновна. Моя коллега.

Потому что он читал мысли Люси, а та думала, не блокируясь: «Только посмей назвать меня «невестой» – при всех в рожу плюну. Я ж – б*** и стерва, а?»

Дождавшись паузы, Орлов обратился к ней: – Ну, прости! Прости!

Он нервно закурил.

– Просто трудно переключиться...

– А мне легко? – ответила она горестно, глядя ему прямо в глаза.

– Я... – Он замялся.

– *Ты!* – выделила она голосом. – А в семье нельзя использовать только это слово. Только **МЫ**. Вместе.

– Что, будем притворяться перед Мэри, что мы счастливая семейка? – хмыкнул он саркастически.

– А нужно обязательно притворяться? – Она положила ему руку на плечо.

В другой она держала пирог.

– Девочка... – Глеб смотрел на неё, физически ощущая её душевную боль.

– Мы не можем любить друг друга. – Люси вздохнула. – Но мы можем быть партнёрами. Друзьями. Мы были соратниками. Мы вместе спасли твою ё*** Мэри! Лучше б ты дал мне сгореть там... – Она отвернулась.

– Нет, нет, девочка... – У Орлова душа перевернулась.

Так чётко он вспомнил, как она, тогда, упала ему на грудь... Задыхаясь, глаза закатаны, губки приоткрыты... Словно она готова заняться с ним любовью.

«Бред какой...»

– Я... – Он решительно перевёл дыхание. – Я не стыжусь тебя. Ты... Да, я эгоист. Но только ты понимала меня. Только тебе я мог ``поплакаться``. Да, расставим точки над i. Мэри строга и к себе и к другим. Но она права... Всегда права. Ты, наверное, действительно, единственная женщина на Земле, кто может выдержать меня в качестве супруга... Я постараюсь быть хорошим мужем. Ты же знаешь, я не могу врать. – Он подмигнул. – Где ты ещё такого муженька добыть сможешь?

– Мда? – Она снова пошла вперёд, кокетливо бросая на него взгляды через плечо. – Докажи! Три дня у тебя осталось!

– Сука ты, – произнёс он восхищённо. – А сегодняшний ты не считаешь?

– Да, он уже прошел до половины! – Она показала ему язык, но в такой манере, что у Глеба перехватило дыхание от возбуждения. – А день отъезда, тоже считай не в счёт...

«Какая же она красавица!» Орлов шёл за Люси, любуясь ею. «А ведь... Действительно, когда я последний раз был женат так, по-настоящему? Дьявол, даже не вспомнить... Так, чтобы жена, с которой можно пойти куда-либо. Или гостей пригласить... Рон с Даниелем поможет...»

* * * * *

Юркина семья встретила их с восторгом.

Его сестра, Алька, как раз приехала из Города на зимние каникулы.

Оленька, позволила Глебу себя обнять. Юркина мама расцеловала Орлова, как родного брата и даже промакнула выступившую у неё слезинку.

Все взглянули на Люси.

– Людмила Ароновна, – произнёс Глеб очень сдержанно. – Мама Данилки.

– Как он? – жалостливо поинтересовалась Юркина мать.

– Спасибо, – отозвалась Люси, выкладывая пирог. – Вот, Валентина Макаровна кланяется. С Новым Годом вас!

Все уселись за стол.

«Только квас и молоко... А, вон компоты какие-то...» заметила Люси. «Ничего спиртного! Ах, какое уважение к господину Орлову! Знают, что он – ``кодированный``.»

Хозяева наперебой рассказывали о местных новостях и событиях.

– А вы, что думаете об организации здесь турбазы? – уточнил Глеб.

– Мнения очень разделились, – объяснил Юрка. – Если уж делать, может семейного типа? А то понаедут такие, вроде Артура Дариусыча.

– А Марья Михаловна? – не выдержала Алька.

Глеб взглянул на Люси, а у той сверкнули её кошачьи глаза.

«Скажи САМ,» думала она специально для него. «А то я скажу. По-своему.»

– Мы расстались... Не сошлись характерами...

– Если захотеть – всегда сойтись можно, – возразила Люси.

– Извините, – Глеб вышел не только из-за стола – из комнаты.

На крыльце Орлов хотел закурить, но в его руке возникла бутылка водки.

«Даже не коньяк...» невольно отметил он.

– Дядя Глеб! – услышал он голос Юрки.

Тот выхватил у Орлова бутылку и швырнул в снег, словно гранату.

– У меня батька пил, – напомнил он с горечью. – Не губите вы себя, Бога ради!

Глеб передёрнулся.

– Если б тебя Оленька бросила, – огрызнулся он. – Ты б, небось, ваще по-чёрному запил!

– Нет, – тот ответил твёрдо. – Я – мужик. Проблему в водке не утопишь.

Глеб закурил.

– А эта... – Юрка тоже достал сигареты. – Людмила-то... Она, что, в колонии была?

– С чего вдруг? – Орлов пристально взглянул на молодого человека.

– Да у нас, в Вишнёвке-то, пара бабёнок отсидели. Так вот, когда только вернулись... Одна вот с таким затравленным взглядом как раз ходила. Долго, потом уехали обе. Та, другая, спилась, говорят. А о той так ничего не знаем...

– Она замуж вышла, – машинально ответил Глеб. – Не очень удачно...

Он тихо выругался.

– Да ладно, дядя Глеб! – хмыкнул Юрка. – И так мы все знаем, что вы человеком только прикидываетесь.

– Вот именно! – Орлов вздохнул. – Ну, и как мне уговорить Люси за меня замуж пойти? Вы-то меня только с одной стороны знаете, а она и с другой половиной моей ипостаси знакома!

– Ха! – Рассмеялся Юрка. – А то мы дураки деревенские, а? Раз у вас такой босс... А он, чё, настоящий Дьявол или помельше кто?

– Гораздо `мельше`, – Орлов тоже засмеялся.

– А Людмила-то, вам, что ль, совсем не нравится?

– Не знаю... – признался Глеб. – Сам не пойму. Она, б*** – умелая, гомика соблазнит, у импотента поднимет! Да ведь она непредсказуемая! Психопатка просто. С ней же страшно куда-либо пойти будет!

– А из-за чего? – задумчиво проговорил Юрка. – Вот сейчас, например. Мне показалось, она ждала от вас... ну, не знаю. Нежных слов что ли... Ласки?

– Да я... – Орлов растерялся. – Как-то даже не думал. В голову не приходило...

– Знаете, дядя Глеб, – признался Юрка. – Иногда мы с Оленькой просто сидим, обнявшись, кино там смотрим. А то и просто на огонь... Или в окно. А вам её, Людмилу-то, как, не жалко?

Глеб молчал, а молодой человек слегка нахмурился.

– Ой, сдаётся мне, что вы тогда остались не потому, что пожалели нас, – критически ухмыльнулся Юра. – Что, с боссом поругались? Понятно...

Он вернулся в дом, а Глеб застегнул куртку.

Выскочила Люси.

– Что, что ты ему сказал? – Она схватила Орлова за рукав. – На парне лица нет!

– Отстань! – буркнул Глеб, выдёргивая руку. Он спустился с крыльца и направился к калитке, на выход. – Ну, и пусть Мэри меня в Ад отправит! Не знаю я, что тебе сказать!

– Глеб! – Она догнала его уже на улице. – Ну, какой ты дурачок! Только убивать, действительно, можешь... Да стой же, мудака!

Он остановился и засмеялся. Они обнялись. Нежно.

В первый раз так, как хотелось им обоим. По-дружески.

– Лапушка ты... – Он погладил ей шею под волосами, поправил сбившуюся шапочку.

– Ох, Глеб, Глеб. – Она потёрлась об него лицом, как кошка – мордочкой.

* * * * *

Когда они вошли в дом Орловых, мать Глеба сидела на диване, в центральной комнате, а Рон, с Даниелем за руку, стояли недалеко от входа, чуть в стороне.

Валентина Макаровна поманила сына к себе.

– Садись-ка рядом! Давай попробуем!

Глеб увидел – Энн держала в руках, баюкая, самошитную куклу.

«Уж каких только `барбей` у неё дома нет!» удивился он. «Никогда не любила... А в тряпичную вон как вцепилась...»

Рон показал на Валентину Макаровну. Та обняла Глеба.

– Мама! – объяснил Рон Даниелю. Тот смотрел очень внимательно.

– Мама! – Рон показал на Энн.

– Мама! – подтвердила она, покачивая куклёрку.

– Мама! – Рон указал на Люси.

Даниель взглянул ему в лицо, оглянулся на Глеба.

Тот кивнул. – Мама! Подойди к ней.

Рон отпустил руку мальчика. Тот ещё раз посмотрел на Глеба, неуверенно шагнул в сторону Люси. Ещё пол-шага.

«Только не шевельнуться,» приказывала себе женщина, сдерживаясь изо всех сил, чтобы не сгрести сына в охапку, прижать к себе... «Только не спугнуть.»

– Ма-а-ма... – напевала Энн.

– Иди, иди к мамке! – подтвердила Валентина Макаровна.

Даниель приблизился и неуверенно, но обнял Люси.

Женщина подняла голову, и её глаза встретились с пристальным взглядом Глеба.

«Ты победил,» подумала она, закусывая губу, а Демон Смерти самодовольно ухмыльнулся.

* * * * *

Ангел Смерти бесшумно возник в спальне. Он прежде всего погрузил Люси в максимально возможный глубокий сон. Женщина не решилась лечь к сыну под бок – прикорнула в ногах постели.

Рон, на раскладушке рядом с кроватью, мгновенно проснулся и сел, неодобрительно покачивая головой.

Глеб склонился над Люси, внимательно разглядывая её.

– Уломал я девку! – Он хмыкнул, проводя пальцем по её щеке.

Женщина передёрнулась.

– Не нравится? – удивился Глеб.

– А ты вообще хоть попробовал поинтересоваться, что ей-то нравится? – Рон поднялся и буквально телом своим отодвинул Орлова. – Ты мне не начальство больше. А я – отец её названный! То, что она – твоя пленница, не даёт тебе права презирать её. Не позволю я тебе обижать её ни в этом мире ни в том!

– Да ладно тебе, – растерянно отозвался Глеб. – Вот беда-то! Я же вроде и с пленницами и с рабынями всегда хорошо обращался...

– Она через себя переступает! – Рон смотрел на ту, которую он по-прежнему называл Бренда. – Поухаживал бы за ней, хоть для виду-то!

– Мэри позлить? – Орлов покрутил в руке снова возникшую пачку сигарет.

– Ты знаешь, что я всегда очень холодно относился к ней, – напомнил старший демон своему брату. – А за Джерри – лично б за волосы оттаскал, да на недельку б на цепь посадил! Настралась она, а? Да Бренда через такое прошла, что Мэри только в кошмарах и то не снится! И теперь ещё тебя, мерзавца, навязали ей! Что ты с ней делать будешь? Скелеты дарить? В крематорий водить – чай пить?

– Ну и подскази сам! – огрызнулся Глеб. – Мне Ядвига руки отбила! Пару раз ей, может угодил, и то, когда сам не ожидал!

– Ох, дуралей ты... – Рон вздохнул. – Ну, хоть цветы подари для начала.

– А она меня этим букетом – по морде? Да ещё, хорошо, если не при всех!

– Вот и постарайся заслужить у неё такое чувство, что б она так не делала! Хоть раз она обмолвилась кому о ваших беседах душевных? Я и то бы не знал, не скажи ты! Ещё стыда у тебя хватает хвастаться! А девчонка тебя под пыткой-то и то не выдала бы.

Орлов снова взглянул на Люси. Лёжа на боку, она прижалась спиной к металлическим прутьям спинки кровати, словно бездомная собачонка прикорнула под забором.

«Мэри ко мне сразу примчалась, аж голой,» вспомнил он. «Когда я ей, спящей, лилию на грудь положил... Может и сейчас сработает? Даже Ядвига не обижалась, я же ей цветы регулярно присылал... Хотя кто эту психопатку знает...»

Он подумал, поколебавшись, добыл из Подпрастранства маленькую фиолетовую астру и положил её так, чтобы лепестки слегка касались лица женщины.

– Люси... – прошептал он, впервые ощущая новое, странное, мучительно-тянущее за душу чувство. – Люси Гонзалес... Ты вечно будешь для меня Люси Гонзалес...

* * * * *

Глеб спал на диване в центральной комнате, но мгновенно проснулся, когда вошла Люси. Для человека она двигалась совершенно бесшумно, и её крохотный армейский фонарик давал узкую полосу света, почти как лазер.

Она приблизилась к дивану.

– Я знаю, что ты не спишь... – прошептала она.

Глеб открыл глаза. Люси вздрогнула, но по-прежнему улыбалась.

– Ты боишься меня, – он отметил грустно. – Не угодил я с астрой? Или не угадал?

– Подвинься, – она велела чуть слышно.

Он послушался. Люси поставила фонарик на тумбочку рядом, и забралась ему под одеяло. – Мне холодно.

Глеб обнял её так, как обнимают раненых или больных, когда ничего другого сделать не можешь. – Думаешь в `холодных объятиях Смерти` тебе будет теплее?

– Не знаю. – Она разглядывала его.

– Может переберёмся на печку? – предложил он, уже улыбаясь.

Они так и сделали, и снова обнялись.

– Мне сон приснился, – призналась она. – О нашей с тобой свадьбе. Ты был в парадной форме, у меня – букет астр...

– И ты отказала... – перебил он её. – бросила цветы. Хотела убежать, но кто-то схватил тебя. И это была Мэри.

– Это ты мне такой сон навеял?

– Ты правильное слово употребила, – вздохнул он. – Я могу только `задать тему`, а дальше работает подсознание человека... Неужели я настолько противен тебе?

– Мне противно твоё отношение ко мне.

– Я же... Я же стараюсь... Правда.

– Спасибо тебе, я чувствую это... – Она приласкалась к нему. – Именно поэтому я и пришла. Я вру, что не ревную. Я очень ревную. И поэтому я понимаю тебя.

– Я бы никогда не женился на Бренде, – ухмыльнулся тот, кто когда-то пользовался телом Роджера Сатани. – Но, как Глеб Орлов, Начальник Охраны, я даже польщён, что вдовушка Франсин Тремблей соизволила избрать меня своим следующим супругом.

– Следующим? – она тихо рассмеялась.

Они ласкали друг друга, но так нежно и естественно, что даже сами не замечали этого.

– Конечно, – он уточнил опять грустно. – Моё тело оказалось с гораздо меньшим жизненным потенциалом, чем я ожидал. Хотя, честно говоря, предыдущий хозяин над ним вдоволь поиздевался. А мне расхлёбывай. Курить не могу бросить. Запой ещё будут. На иглу бы не подсесть! Не могу я столько Энергетики изводить, чтобы просто поддерживать все функции в рабочем состоянии!

– Бедненький, – она протянула искренне. – Но я же тоже пила... До сих пор. Не курю только из-за Даниеля. И наркотики ты знаешь, чуть ли не все перепробовала.

– Вот-вот. – Он даже хихикнул. – А лет до девяноста протикаешь. А мне-то тело придётся менять пораньше.

– Это больно?

– Рождение – самый болезненный процесс в жизни любого животного.

– А откуда ты тела берёшь?

– Самоубийцы. Тяжелее греха нет.

– Крадёшь, в общем, – констатировала она. – Да, смерть самый ловкий вор – даже дитя из объятий матери возьмёшь – она и не заметит.

– Ты не можешь забыть, кто я?

– А ты не можешь забыть тех мужчин, которые...

– Да! – рыкнул он, заваливая её на спину.

– Господин Орлов! – перебила она холодно. – Вы с кем разговариваете?

– Аааааа, – протянул Глеб, уже снова улыбаясь. – Мадам Тремблей...

– Вот именно! – Она ловко выскользнула из-под него и, соскочив с печки обернулась.

Их лица оказались на одном уровне – она стояла на скамеечке.

– Советую, господин Орлов, не забывать, в чьём доме вам позволит жить Главный Секретарь-Референт Корпорации! Если позволит...

По-девчоночьи показав язык, она убежала в спальню.

– Сзучка, – прошептал он восхищённо.

* * * * *

Сегодня было гораздо теплее. Всё небо затянула плотная пелена облаков; даже что-то вроде тумана наполняло Вишнёвку.

Захватив Энн, Глеб отправился обходить друзей и знакомых, а Рон и Люси остались с Даниелем и играли во дворе.

– Тебе надо привыкать, что тебя будут звать ``Франсин``, – уточнил Рон. Он специально употреблял её имя почаще, по поводу и без повода, даже просто напевал.

– О, Рон... – Женщина отёрла слезу. – Третий раз ты даёшь мне жизнь!

– Ах, ты, дурочка маленькая, – Он обнял её, а Даниель внимательно наблюдал за ними.

* * * * *

Они лепили снеговика.

И, теперь уже так называемая Франсин, поняла задумку остальных. Действительно, взявсь со снегом, помогая, Даниель несколько раз, не то что бы обращался к новоприобретённой матери, но хотя бы не шарахался, подавая ей палочки и угольки для украшения. Даже сбегал за морковкой для носа!

Когда он вернулся и, с не по-детски серьёзной мордашкой, протянул ей морковь, женщина снова еле удержалась, чтобы не схватить его в охапку...

Мальчик протянул руку к ней, но сам смотрел в сторону.

«Он испугается, если я обниму его,» понимала она, а вслух просто похвалила его; – Спасибо, Дэн! Настоящий мужчина.

– Мамин помощник! – Рон одобрительно похлопал мальчика по спинке, а тот доверчиво поднял на него глаза.

– Маме всегда надо помогать! – Мужчина показал на замерзшую Франсин. – Мама – хорошая.

Женщина воткнула морковь вместо носа.

– Подай ещё угольков, – произнесла она, специально не глядя на сына.

Но, когда он деловито пошёл к горке угля, насыпанной в сторонке, она не могла оторвать от него глаз.

«Люси, Франсин...» думала она. «Да хоть крокодилом зовите... Только не отнимайте его у меня... Не отнимайте снова...»

* * * * *

Время приближалось к обеду, когда вернулись Глеб с Энн Чёрнсын.

Казалось – девочка вообще не знает, что такое усталость. Увидев снеговика, она вырвалась из рук Орлова, подбежала и устроила вокруг пляску с прыжками, уханьем и повизгиванием, словно настоящий дикарь – вокруг божка или тотема.

Дэн попятился и прижался к Рону, но, когда Глеб тоже приблизился – кинулся к нему.

– С мамой слепили? – Орлов присел на корточки и потискал мальчика.

– Молодцы!

Он бросил на женщину быстрый взгляд – та смотрела на них с явным выражением счастья на лице.

– Конечно, *ФРАНСИН* – молодец! – подчеркнул Рон.

– Да-да, Франсин, Франсин, – Глеб кивнул. Он снова обратился к мальчику.

– Твой отец был солдат. Я – солдат. Ты хочешь быть солдатом?

Малыш кивнул, с восхищением глядя на мужчину, но Франсин слегка нахмурилась; Глеб дал Даниелю палку и поставил его руки так, словно тот держал винтовку.

– Бах-бах! – воскликнул он. – Снеговик мёртв!

Он засмеялся, малыш тоже улыбнулся, и они хлопнули друг-другу ладоши. У Франсин дыхание остановилось.

Орлов снова взял мальчика за руки и с криком: «Коли!» ткнул в снеговика. Даниель засмеялся.

– Прекрати! – завизжала Франсин. Даниель уронил палку и тут же, испуганно оглядываясь, забрался на Глеба.

– Дура! – тот крикнул на неё по-русски. – Ты чё дитё пужаешь -то?

– Ему двадцать месяцев! – Женщина топнула ногой.

– Да мы ж в войну играем!

– Вот именно... – Франсин отвернулась и, пошатываясь, вошла в дом. Глеб растерянно взглянул на Рона, а тот только головой покачал.

– Да, братец, ``начинай сказку сначала``.

Он позвал Энн и увёл девочку в дом, а совершенно недоумевающий Орлов-младший последовал за ним, с Даниелем на руках.

«И что я опять сделал не так?» думал Глеб расстроено.

Глава 3

За столом Валентина Макаровна хоть и кормила Энн, но сразу заметила ``непорядок``.

– Люська! – Она неодобрительно покачала головой. – Как ж ты ноги таскаешь? Аль стряпнёй моей брезгуешь?

– Да нет, что вы! – тихо отозвалась молодая женщина. – Я же суп съела...

– Детскую чашку! – Бабка всплеснула руками. – Нюрка и то больше ест! Глебка, что ль, обидел?

Орлов-младший даже жевать перестал и переводил взгляд с матери на Франсин, а та сидела бледная, не поднимая глаз.

– Олег Петрович, – заговорила она снова. – А когда вы стали брать Глеба на охоту?

Старик растерянно задумался.

– Дык, – Он налил себе водки. – как за гривку лошадки держаться смог... Гнедик у нас тогда ещё жив был. Славный коняшка был. Да, вот!

– Нет, по-настоящему, – настаивала Франсин. – Ну, так, с ружьём?

– Лет в пять? Помнишь, мать? – Обратился он за поддержкой к жене, но та только плечами пожала.

– Нюрка спит.

– Я отнесу её... – Глеб поднялся.

– Сиди уж! – Бабка махнула на него рукой и унесла девочку.

Глеб снова сел, задумчиво жуя луковицу.

– Олег Петрович, – Рон тоже вышел из-за стола. – покажите мне там, в гараже, кое-что, лады?

Мужчины вышли, а Глеб с Франсин вместе пошли укладывать Даниеля.

Энн всегда днём укладывали отдельно, и сейчас в спальне они были только втроём. Мальчик жался к Орлову, хныкал.

Глеб довольно грубо оторвал от себя малыша и положил на кровать, приказав: «Лежать!»

– Что он тебе – собачонка? – окрысилась на него Франсин. – Небось Артуру так не смел говорить!

– Артур был ласковый и послушный! – возразил Глеб. – А сейчас у Даниеля идёт выяснение правил окружающего мира. Он должен понять, что есть слово ``нельзя``! Или хочешь бандюгу вырастить, как твой муженёк?

– А ты чем лучше? – прошипела она. – Тоже – убийца и вор!

– Значит тебе не привыкать! – Он криво ухмыльнулся. – Да, ты, б***, лучшего и не заслуживаешь!

– Ну, дорогой мой, – Франсин бросила с вызовом. – Вот специально выйду за тебя замуж и буду гулять в открытую! Пусть в тебя пальцами тычут – раз козёл, ну, и ходи с рогами!

Она пыталась уложить сына сама, но тот оскалился, как крысёнок, кусался и отбивался совершенно не по-детски, а его кошачьи глаза и длинный, уже слегка горбатенький нос, придавали ему облик злобного гномика.

Глеб плюнул и вышел, а Франсин пыталась бороться с сыном.

В конце-концов, она сдалась и, зарыдав, уткнулась в ладони.

«Так мне и надо,» думала она. «Да, Бог не наказывает за грехи – мы сами себя наказываем...»

Она слышала – малыш притих.

Взглянула – он сидел, прижавшись к стенке, внимательно разглядывая её.

Франсин сползла на пол, отведя глаза, почти уткнувшись в постель, прошептала: – Дэн, лапушка, ложись! Ты же взрослый... Ты... солдат... Как папа... Как Глеб... Дисциплина должна быть...

То, что он после *ЭТОГО* послушался и осторожно забрался под одеяло, ранило женщину даже больше, чем его предыдущее сопротивление.

«Он – *ИХ!*» мучительно билось в её голове. «Он **ТАК** привязан к **НИМ!!!** Нет, не сдамся! Буду бороться!»

Даниель заснул почти мгновенно, а Франсин долго сидела, глядя на него и перебирая различные варианты.

«Нет, придётся пока примириться... Нельзя Мэри злить... Там разберусь...»

Она вышла в центральную комнату и обмерла: Глеб сидел за столом один, левой рукой обнимая бутылку домашнего самогона, а в правой – стакан.

И даже никакой закуски...

– Ты ж кодированный...

– Что мне ампулу удалить трудно? – огрызнулся он. – Иди на...

Она села напротив.

– Чё лупишься? – Глеб уставился на неё, оскалившись, словно тигр, которому хвост прищемили. – Чё ж от своего выб*** убежала? Добилась, получила – ну и сиди с ним!

Он снова выпил. Франсин не могла поверить глазам.

Джерри-Альберто, когда срывался и, ``прогуляв`` всю ночь, возвращался под утро вдрызг пьяный, только умолял простить его и говорил непрерывно о своей любви к Мэри. А сейчас она даже не знала, как реагировать.

– Что, думаешь, я на нашей свадьбе напьюсь? – Глеб подмигнул. – Давай тут отметим? Никого не удивит мордобою на свадебной гулянке...

«И как я с ним собираюсь жить?» ужаснулась Франсин. «... в одном доме?»

– Я тебя Богом прошу... – начала она.

Дико ругаясь, он вскочил. Со злобой толкнув стол, опрокинул его, и только тренировка спасла Франсин. Она едва увернулась от падающей на неё тяжелой столешницы. Как раз вошли Рон и Олег Петрович.

Продолжая испускать проклятия, Глеб стоял в лопнувшей рубашке, распахнув, хлопал чёрно-зелёными крыльями, сшибая окружающие предметы.

Рон всплеснул руками. Олег Петрович, бледнея, перекрестился, и демон плюнул огнём. Столешница задымилась...

И тут в комнату вбежала Валентина Макаровна.

– Глебка! – крикнула она сердито. – Ах, ты нечисть! А ну, не бАлуй!

Он ахнул, крылья втянулись, и Орлов-младший стоял с растерянным, виноватым видом.

– Мамка... – простонал он со слезами в голосе.

– Ой, дурак ты, дурак...

Она обняла его, отвела к диванчику. Они сели рядом, и он, рыдая, уткнулся ей в плечо. Бабка шептала ему что-то ласковое, оглаживала, целовала голову, а он прижимал её руку к лицу, бормотал, путая языки и всхлипывая.

Рон поднял стол, а Олег Петрович, молча, хмурясь, собирал разбросанные вещи.

Не чувствуя под собой ног, Франсин еле добрела до кровати, где Даниель так и спал. Она не села – упала рядом. Вцепившись в покрывало, замерла, глядя на сына.

«Это даже хуже, чем я предполагала,» думала она в отчаянии.

* * * * *

Вошёл Глеб. Она вздрогнула.

– Прости, пожалуйста, – пробормотал он, не поднимая глаз, совершенно трезвым голосом. – Ты права. Я ничуть не лучше твоего недоделка-муженька. Мне жаль, что тебе такие

ублюдки, как мы, достаёмся. Ты, правда, достойна лучшего. Я обещаю... стараться контролировать себя. Я не могу гарантировать!

Он закусил губу. Женщина молчала.

– Ну? – настаивал Глеб. – Франсин?

– Камень, что топит меня, просит прощения! – отозвалась она тихо. – Да, палач обычно говорит жертве: «Прости, работа такая...»

– «Прости, работа такая!» – повторил он саркастически.

Она подняла на него свои кошачьи глаза, сейчас блестящие от слёз.

«Прямо как «моя» тигричка-дочка!» у Глеба снова душа перевернулась.

– Девочка моя милая, – прошептал он, садясь с нею рядом на пол и обнимая её.

Она прижалась к его, такому сильному, огромному телу, словно чайка, прячущаяся от шторма «на груди утёса-великана».

«Сможем, сможем,» крутилось у неё в голове. «Я смогу...»

«Ублюдок я, проклятый ублюдок,» думал он, «читая» её мысли. «Заложников брать – такая подлость... А я рад... Я рад! Она никуда не денется... Не решится сбежать... Она – моя! Моя...»

* * * * *

Второго января состоялась совместная поездка на лыжах в лес, неудачный визит к Юрке и астра были третьего, злополучный снеговик и срыв Глеба произошли четвёртого... И вот уже пятое января!

Хотя, фактически, задание Мэри было выполнено; Глеб и Люси-Франсин примирились с неизбежностью жить вместе. Сегодня она ознакомилась с ещё одним отличием Глеба от Джерри.

Когда Джерри напивался, на следующий день он, пряча глаза, молча убегал на работу пораньше. А Глеб сейчас, заискивающе, как провинившийся пёс, заглядывал всем в лица.

Помог Рону переодеть Даниеля, усадил Энн и Франсин. – Дамочки, отдыхаем!

Сам накрыл на стол. Даже пытался помочь Валентине Макаровне принести котелок.

– А ну, сядь! – прикрикнула на него бабка. – Выбей мне кашу-то!

– Мама, – Он послушно сел на место. – Я ж вам кастрюлей понавёз, мультиварку...

– Ой, стара я уже для жутей таких, – Валентина Макаровна махнула на него тряпкой. – Да и скус-то развя такой?

– Ну, это точно... – Франсин засмеялась.

Она попробовала свой кофе и быстро глянула на Глеба, а тот хитро подмигнул.

Это был не обычный кофе, а добытый, разумеется с помощью Энергетики, из её любимой кофейни.

«Ну, и ладно,» думала она, совершенно утешившись. «Даже с людьми-алкоголиками как-то уживаются. Рон поможет. А то и Мэри на него натравлю если что.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.